

Тайная свобода

Вышедший в 2014 году поэтический сборник Зинаиды Миркиной "Тайная скрижаль" имеет второе название: "Книга памяти Григория Померанца". В первых трех разделах книги - новые стихи, никогда раньше не печатавшиеся. Время нарастающей болезни Григория Соломоновича и приближающейся смерти отражено в разделах "Неведомая горю тайна" и "Сейчас мы оба у порога". Третий, может быть, самый главный раздел книги "Вослед тебе" написан после ухода Померанца. Все три раздела - стихи 2012-го и первой половины 2013 года. В четвертом разделе собраны стихи из разных сборников и разных лет. Очень немного из того, что особенно любил Григорий Соломонович.

Более чем полувековой супружеский союз Померанца и Миркиной с самого начала складывался как союз двух "промытых Духом и Огнем" сердец. Они соединили свои судьбы тогда, когда сложились как личности, когда встретились на той глубине, где всё навсегда. Это и есть встреча в Боге. "Протянуто пространство рая / Меж двух смешавшихся сердец".

"Струение духа сквозь жизнь и сквозь смерть" - лейтмотив поэзии Миркиной. Казалось бы, невозможно, постоянно работая с высокой лексикой, разрушать все штампы возвышенного. Однако чудо происходит, и ты обнаруживаешь новые оттенки приподнятых и простых, тихих и торжественных слов, не теряющих своей силы и свежести в ее стихах.

Не торопиться, о, не торопиться...

Деревья вверх идут, не торопясь.

Парит, на небе зависая, птица.

И тихо ткется со звездой связь.

Неторопливо тянется дорога,
И долог путь кружащихся ветвей.
Не пробежать бы только мимо Бога
И мимо бесконечности своей...

Глубокое и горячее сердце автора стихов "Бог кричал" и "Ты вынес на Кресте такую пытку!" не даст ответа на те вопросы, которые читатель не поставил перед собою до встречи с этими стихами. Они могут взволновать, но лишь на короткое время, и также легко забыться. Но если эти вопросы давно вызрели в тебе, то твоя связь со стихами Миркиной, с ее сказками и эссе будет "тихо ткаться" всю твою жизнь. Этой пряжи надолго хватит всем тем, кто способен глубоко видеть и чувствовать.

Национальность, тело - достаются нам случайно, почти даром, без всякого духовного усилия. Иное дело душа. Ее растят, ее раскрывают, ее труд и является главным трудом жизни. Научившаяся видеть душа может доглядеть мир до конца, до его смысла. "Я вижу, слышу. Нет, не просто вижу - / Я вижу сквозь творение Творца". Это редчайший дар, и не столько поэтический, сколько человеческий, но, став подлинно человеческим, он становится и подлинно поэтическим.

Поэт, выражающий только свою душу, еще не до конца поэт, а вот когда его устами говорит разноязыкая душа мира на всем понятном языке, вот тогда слово и обретает свой истинный вес - притяжение неба, тогда слово становится невесомым, становится Божьим дыханием. Современную поэзию часто представляют себе как растревожительницу ран, стихию, и забывают о том, что она способна быть врачевательницей духа. Причем врачует дух не магическими заклинаниями, не шаманским камланием, а внятным русским языком. "Мне хватит сил или не хватит, / Найду иль не найду слова, / Но не стихия - мой Создатель, / И не стихией я жива".

Миркина часто противопоставляет стихии дух, но что такое "клубящиеся глубины" жизни, из которых, по выражению Антония Сурожского,

"постепенно вырастают строй и красота", она прекрасно знает. Миркина и Померанц и стоят на страже этих клубящихся глубин духа, этой живой воды, которую ревнители благочестия то и дело пытаются заключить в готовые отточенные формы. Сколько же знающих, как надлежит обращаться к Богу, с какими именно словами, на каком именно языке! И с ними тоже давно ведет диалог автор "Тайной скрижали". В каком-то смысле атеистическая советская эпоха ничем не отличается от сегодняшнего дня. Стараниями советских пропагандистов идеология превращалась в религию. Стараниями новейших агитаторов религия превращается в идеологию. И тогда и сейчас из трепета перед священным извлекается выгода. И узко-человеческое снова и снова пытается подчинить себе необъятно-божественное. "Как трудно божественной силе! / О Боже, опять и опять / Мы, люди, Тебя победили./ Тебе ведь нельзя побеждать".

Основной линией "Тайной скрижали" становится разговор с бесконечно любимым, ушедшим из жизни супругом. Духовно он всегда рядом, всегда на глубине сердца, но кем, чем заменить его физическое присутствие, его облик, его голос?.. Ничем. Войти в полную пустоту и не отчаиваться, чувствуя в этой пустоте великую наполненность иным.

Но ни на земле, ни в небосводе
Ты не явишься. Всё это ложь.
Ты уже наружу не выходишь -
Ты меня в глубинах Духа ждешь.
И мне брезжит тайный свет Спасенья,
Когда вижу Божью красоту.
Знаю я, что значит воскресенье,
И еще, быть может, дорасту.

И в другом стихотворении: "Мне сказали капли дождевые / Вспышкой в скрестившемся огне: / Мертвых нет, но только мы, живые, / Живы лишь отчасти, не вполне".

Что значит быть живым вполне? Это жить совершенно открытой душой, обнажившимся сердцем, чувствующим свою связь с целым вселенной, и потому ощущающим бессмертие здесь и сейчас. Однако не бессмертие твоего малого ограниченного "я", твоего эго. Напротив - ощутить, что твое эго лопнуло, как кокон, и из него вылезло существо другое, крылатое, крылами объемлющее мир и вбирающее в себя всех, и не могущее отделять даже тех, кто доставляет тебе боль.

Лесная тишина, молчание деревьев - они не только метафора невыразимости бытия Божьего, но и ежедневно повторяемый опыт замолкания ума, умаления своего "я". "Ты ушел, но остались березы, / Ты ушел, но остались леса". О воскресении принято говорить как о единовременном акте, ну а что если для воскресения и жизни может не хватить? Что, если оно почти незаметное ежеминутное усилие, служение, невидимый шаг, неслышный вздох? А для Миркиной еще и стих, и видимый, и слышимый.

Немота ушедшего возлюбленного подобна немоте леса, полнее которых может быть только немота Господа, да и то сердце не станет отличать одного великого молчания от другого, а причастится их единству, глубочайшей и невыразимой словами связи всех со всеми, и всего со всем.

У немецкого мистика XIV века Иоханна Таулера, которого Зинаида Александровна чрезвычайно высоко ценит, есть такой образ. Брошенное в печь полено сначала становится горящим поленом, и все древесное в нем сопротивляется всему огненному, но в какой-то момент полено целиком превращается в огонь, и уже ничем неотличимо от огня. Этим же путем идет и сердце. Все затвердевшее человеческое, все, что в нас от полена, объятые истинной любовью, превращаются в бестелесное божественное, в то, что в нас от огня. Не потому ли метафора огня одна из самых часто

встречающихся у Миркиной. "Огнем проколотое насквозь, / Все сердце светится тобой". И так же, как полено, неотлично и неотделимо от пламени, точно так же и человек неотделим и неотличим от небесного огня, проводником которого и даже источником он может стать. В этом и состоит его призвание. Непременно найдутся те, кто возразит. Проводником небесной воли человек, конечно же, может и должен стать, но источником - это уже слишком. Однако, если сердце слилось с источником, то все вопросы отпадают. Нет двойственности, есть одно. И каждым своим стихотворением, каждой книгой Миркина свидетельствует об этом.

Ты вынес на Кресте такую пытку!
И я с Тобой. И я, и я с Тобой.
Был боли всей земной переизбытком!
И я с Тобой. И я, и я с Тобой.
У ног Распятья, на самом Распятьи.
Он был моим – Твой самый страшный крик.
Душа с душой переплелись в объятьи,
Сердца не разлучались ни на миг.
Сплошная тьма. И никакого чуда.
Надежды нет. Не справиться с судьбой.
.....
Откуда ж этот свет во мне? Откуда?
Не смерть, а Свет. Я вся полна Тобой...
Твой голос, - он не тонет в адском шуме.
Твой взгляд, - он здесь, он не сошел на нет.
Кто мне сказал: «Все кончено, Он умер», -
Пусть скажет мне, откуда этот свет?

И этот же неземной свет соединил ее на земле с Григорием Померанцем: "Свет раздвигал, свет ширил душу, / Свет превращал двоих в одно". В поэзии Зинаиды Миркиной нет той черты, которая бы отделяла горящее полено от самого огня, человека от Бога. Не это ли и есть истинно религиозное мироощущение, которое является самой необходимой сегодня формой проявления свободомыслия.